

Юрий ОКУНЕВ

ПОЛЬСКИЙ СИНДРОМ – АНТИСЕМИТИЗМ БЕЗ ЕВРЕЕВ

«Нас окружали враги, и немцы были отнюдь не самыми опасными среди них – наибольшую опасность для нашего выживания в конце 1943 и в начале 1944 годов представляло польское подполье из Армии Крайовы. Поляки из подполья жили в деревнях среди своих, они были настроены антисемитски. Поэтому подчас они готовы были сотрудничать с немцами против нас, и любая операция, связанная с пребыванием вблизи польской деревни, была очень опасной...

.....

О, Господи, что оставляешь Ты нам в наследство после этой кровавой войны – этот мир убийц? Где в этом мире справедливость? Почему народы-убийцы остаются безнаказанными? Из кровавых Понарских котлованов слышится мне мольба невинных жертв юдофобского безумия, охватившего мир, мольба о справедливости, глас вопиющего в пустыне – где Ты, всемогущий Господь?»

**Из воспоминаний Михаила Окунева –
врача из Чикаго, бывшего узника
Вильнюсского гетто и бойца
еврейского партизанского отряда
Аббы Ковнера.**

Сообщают об усилении антисемитских настроений в Польше. Удивительная это страна, где умудряются усилить то, что всегда было на максимуме возможного, да еще при почти полном отсутствии в поле зрения субъектов, на которых обращены указанные «настроения».

Евреев в Польше круто преследовали еще до Второй мировой войны, затем помогали немецким нацистам уничтожать евреев во время германской оккупации, устраивали еврейские погромы с грабежами и убийствами после войны, изгоняли остатки евреев из страны при коммунистическом режиме, кичившимся своим «интернационализмом». Это факты истории, но было бы бесчестным обвинять в тех антисемитских деяниях весь польский народ – конечно, это делали отдельные поляки или группы «нехороших» поляков, но от этого преступление не перестает быть таковым. История, вообще, не бывает одноцветной – подсчитано, что среди поляков было несколько тысяч праведников мира, спасавших евреев от немецких нацистов и собственных погромщиков. Низкий поклон этим божьим людям от евреев, от истинных христиан, от всего добросердечного человечества. Светлая им память во веки веков!

В истории любого народа есть черные страницы, позорные и преступные деяния как отдельных лиц, так и целых групп или слоев данного народа – это вполне закономерно и объяснимо, с этим, как говорится, ничего не поделаешь, ибо изменить прошлое не в нашей власти. Однако, что определено в нашей власти и в наших возможностях, так это – адекватно отреагировать на те черные страницы, дать апостериорную историческую и моральную оценку позорным преступлениям прошлого. И здесь есть две дороги, из которых нужно выбрать одну. На первой дороге потомки освещают ярким лучом ведения страшные язвы прошлого, бескомпромиссно и беспощадно осуждают преступления даже своих собственных предков, искренним покаянием искупают вину преступников из своего собственного народа, сводят к минимуму возможность повторения подобного позора в будущем. На второй дороге потомки, напротив, избегают освещать отвратительные события прошлого, всячески замазывают и заклеивают пластырями гноящиеся язвы, стараются обелить преступников и держать людей в темноте неведения, дабы укреплять ложно понимаемое «достоинство нации», облекать прошлое народа в белоснежные одежды и возвеличивать его.

Похоже, что нынешняя польская элита выбрала вторую дорогу в отношении той страницы польской истории, которая связана с преследованием и истреблением евреев в Польше до, во время и после Второй мировой войны. Невдомек властям предрержащим, выбравшим ложную дорогу в будущее, что кровь на белоснежной одежде плохо отстирывается...

«Дороги, которые мы выбираем»... В этой замечательной новелле американский писатель О Генри настаивает – главное в том, что «внутри нас заставляет выбирать ту или иную дорогу». Внутри нас либо есть совесть и

нравственный принцип, подобно кантовскому категорическому императиву не зависящий от внешних обстоятельств, – и тогда мы выбираем дорогу правды и ведения, либо ни совести, ни моральной ответственности внутри нас нет – и тогда мы выбираем дорогу лжи и неведения.

Собственно говоря, попытки отмазаться от соучастия в преступлениях немецких нацистов предпринимали многие народы Европы, замешанные в злодеяниях Холокоста – мол да, жили у нас когда-то евреи, но немцы пришли к нам и стали их куда-то увозить и убивать, а мы тут не при чем, нас самих немцы тоже убивали. Польская элита в лице высшего законодательного органа страны пошла дальше – установила уголовное наказание за приведение фактов соучастия поляков в преследовании и истреблении евреев и даже за высказывания или исследования, призванные доказать это.

История Второй мировой войны с печалью свидетельствует, что в большинстве своем народы оккупированной Европы постыдно поддерживали гитлеровские репрессии против евреев – еврейские общины и культура в Европе были фактически уничтожены. Однако в истории этого уничтожения поражает различие методов его реализации в различных частях Европы.

Население одной части Европы оказало определенное физическое и моральное сопротивление геноциду евреев. Вот некоторые факты. Правительства Финляндии, Болгарии и Испании, считавшиеся союзниками Германии, отказались выдать нацистам своих граждан еврейского происхождения. В оккупированной немцами Дании власти и народ спасли почти всю еврейскую общину, переправив ее по морю в нейтральную Швецию. В оккупированной Франции, несмотря на тесное сотрудничество марионеточного профашистского режима с гитлеровцами, три четверти еврейского населения пережили войну, многие французские евреи были легально или тайно переправлены в Испанию, Португалию и Швейцарию, еще больше – спрятаны от нацистов местными жителями и католическими монастырями. В оккупированных Бельгии и Нидерландах сумела выжить четверть еврейского населения. Даже в Чехии и Сербии, где немецкие нацисты зверствовали на протяжении многих лет, выжила почти треть евреев. Рассказывают, что в мусульманской Албании, находившейся под двойной оккупацией итальянских фашистов и немецких нацистов, почти вся еврейская община была спрятана местными жителями в горах и избежала истребления. Столкнувшись с прохладным отношением западноевропейского населения к геноциду евреев и опасаясь нежелательной реакции, гитлеровцы были вынуждены отказаться от массовых убийств евреев на местах и стали депортировать их в специально построенные изолированные лагеря уничтожения, в основном, на территории Польши. Даже в союзных и

«духовно близких» им Венгрии и Италии нацисты предпочитали казням евреев на месте их депортацию в отдаленные лагеря уничтожения.

В отличие от этого, в другой части Европы – в Польше, Прибалтике, Белоруссии, Украине и на захваченных фашистами территориях России были уничтожены почти все не успевшие убежать евреи, в основном, дети, женщины и старики! Их никуда не увозили, а зверски убивали на глазах у местного населения в ближайших ярах, балках, рвах и котлованах с привлечением к «процедуре» всех желающих.

Каким образом нацистам удалось за чрезвычайно короткий срок в несколько лет уничтожить миллионы евреев Восточной Европы? Может быть, немцы бросили на истребление евреев огромную армаду эсэсовских дивизий? Факты показывают, что немцы уничтожали евреев Восточной Европы чрезвычайно малыми силами. Например, для уничтожения евреев на территории СССР были сформированы четыре группы эсэсовцев – так называемые «айнзатцгруппы» СС – общей численностью около трех тысяч человек, которые, помимо профессиональных палачей, включали водителей, механиков, переводчиков, радистов и другой вспомогательный персонал. И это (один полк!) на весь гигантский фронт от Балтийского до Черного моря, включая Прибалтику, Белоруссию, Украину и значительную часть западных и южных областей России вплоть до Волги и Кавказа. Как пишет историк Марк Солонин, *«чтобы такими силами найти, выявить и уничтожить 3 миллиона евреев (которые при этом всячески скрывались, подделывали документы, прятались в лесах и болотах) гитлеровцам, наверное, потребовалось бы как раз та тысяча лет, которую надеялся просуществовать Третий рейх»*. Однако на самом деле им на это потребовалось всего примерно два-три года.

Причина такой необыкновенной «эффективности» нацистских убийц столь же проста, как и трагически чудовищна – задачу выявления, отлова, ограбления, конвоирования к местам уничтожения и передачи евреев в руки палачей (а подчас – и самодеятельного их уничтожения) взяло на себя местное население оккупированных гитлеровцами Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Белоруссии, Украины и западной части России...

Это всё – общеизвестные, хорошо документированные факты, и вдумчивый читатель вполне резонно может спросить, для чего автор затеял этот разговор, если у него нет каких-то новых данных и мыслей по затронутому вопросу о попытках польских властей переиначить историю.

Отвечаю на этот вопрос – у автора есть что сказать нового...

Несколько лет назад я занимался поисками одной ветви семейного древа Окуневых, которая до Второй мировой войны жила в польском городе Вильно, и, по общему мнению родственников, погибла во время фашистской

оккупации в Вильнюсском гетто. Мои поиски завершились потрясающим результатом – я нашел выжившего в Холокосте узника Вильнюсского гетто, своего троюродного брата Михаила Окунева в Чикаго во главе большой еврейской семьи. Позднее я описал историю того поиска и воспоминания Михаила в книге «Сага о восставшем из пепла». Когда пришли сведения о «новом вкладе» польских законодателей в историю и юриспруденцию, я подумал, что воспоминания Михаила – это и есть то новое, что я могу предъявить читателям по данному вопросу, ведь Михаил – один из, увы, немногих живых свидетелей тех событий. Михаил не знает русского языка, и я привожу выдержки из его воспоминаний в моем переводе с английского с небольшими собственными комментариями.

**На снимке:
справа – Михаил Окунев, слева – автор (2012, Бостон, США)**

Вот что Михаил рассказал о предвоенном юдофобстве в Польше, которая тогда была самостоятельным государством, на примере своей семьи:

«Я родился в столице нынешней Литвы – городе Вильнюсе, который в те времена принадлежал Польше, назывался Вильно и был, по преимуществу, еврейским городом... Вильно вышел из состава России и стал польским городом в 1920 году, польский язык и польское образование пришли на смену русскому...»

Мои родители были религиозными людьми и старались привить это детям. Помню, что в дом приходил раввин, учивший меня и моих братьев Торе... Отец имел небольшое собственное дело по изготовлению перчаток и кожаных пальто, он часто уезжал в отдаленные места Польши, чтобы продать свои изделия... Мать, напротив, проводила много времени с нами, она была домохозяйкой с хорошим образованием и каждый вечер помогала нам выполнять домашние задания.

Еврейская жизнь Вильно была очень пестрой и запутанной... Спектр политических партий и движений простирался от религиозных сионистов до светских социалистов и коммунистов... Столкновение и противоборство всех этих идей и мнений мешало разглядеть ту черную тучу, которая надвигалась на евреев Польши. Между тем, Гитлер пришел к власти в Германии, укрепил свои позиции и приступил к систематическому наступлению на права евреев. Нацистская пропаганда нашла плодотворную почву в Польше, особенно среди интеллигенции и в университетах. Юдофобские группы из национально-демократической партии, так называемые «эндеки», по примеру немецких нацистов, устраивали бойкоты еврейских магазинов, физически преследовали евреев. Наша семья вскоре ощутила на себе такие жестокие проявления антисемитской ненависти, каких прежде не знала.

Как-то я спускался по школьной лестнице, когда группа польских школьников приблизилась, и один из них неожиданно ударил меня кастетом в лицо. Я упал, заливаясь кровью... Шрам на моем лице до сих пор напоминает о ненависти к евреям в предвоенной Польше... Однажды, гуляя по окрестностям, я наткнулся в лесу на место, где проходили собрания окрестных христиан. В центре небольшой поляны была установлена статуя Иисуса Христа, перед нею стоял католический священник, окруженный толпой слушателей. Громким голосом священник рассказывал им, как евреи убили Спасителя и как они стали орудием дьявола. Этот несомненно образованный человек сознательно разжигал среди поляков костер животной ненависти к евреям, костер, который вскоре опалит эту землю пожаром Холокоста. Ненависть к евреям зарождалась в словах

христианских проповедников, и эти слова были сильнее здравого смысла, сильнее Христовых заповедей любви к ближнему.

Ветер алогичной ненависти усиливался также под влиянием еврейских погромов в Германии. Дело дошло до того, что отец стал опасаться деловых поездок по польским городам. Как-то он вернулся из поездки в Познань с лицом и руками в пластырях. Отец не любил жаловаться, но, в конце концов, рассказал о случившемся. Он ехал в поезде, чтобы доставить товар заказчику, когда в вагон вломилась группа польских хулиганов, одетых в коричневую нацистскую униформу, и начала избивать евреев и срезать ножницами бороды и пейсы у оказавшихся там хасидов. Отец пытался вступить за пожилых хасидов, но был избит и порезан.

С того случая неуверенность и страх начали вить гнездо в нашем доме...»

Осенью 1939 года нацисты развязали Вторую мировую войну, напали на Польшу, а город Вильно отошел к Советскому Союзу, поддержавшему уничтожение и раздел польского государства. Не прошло и полутора лет как Гитлер напал на Советский Союз. В своих воспоминаниях Михаил описывает, как немцы захватили Вильно на четвертый день советско-германской войны. Тотчас же начались еврейские погромы, грабеж и убийства евреев местным христианским населением, размах и жестокость которых удивили даже гестаповцев. Михаил, его родители и братья вместе со всеми другими евреями Вильно были согнаны в специальное гетто, где они по крайней мере были защищены от разбоя местного населения. Никто из них еще не знал, что по нацистским планам все узники гетто подлежат уничтожению. Вот отрывок из воспоминаний Михаила, отражающий отношение местного христианского населения, состоявшего, в основном, из поляков и литовцев, к еврейской трагедии.

«Я – единственный выживший в Вильнюсском гетто из пяти человек нашей семьи.

Жизнь в гетто была ужасной, но она предохраняла от немедленной смерти, ибо любой еврей, обнаруженный вне его стен, подлежал аресту и расстрелу. Немцы платили жителям города специальную премию за каждого пойманного еврея. Нацистская пропаганда в сочетании с традиционным антисемитизмом превратили христианское население Вильно в прямых пособников убийц. Мы не сразу поняли опасность пребывания вне гетто, и это привело к гибели моих родителей и старшего брата. Вот как это случилось...

Отец с братом решили сходить в наш дом на Макова и взять кое-что из оставленных там вещей. В то время было еще возможно выйти из гетто,

и они не предвидели опасности. Однако соседи-христиане заметили их и донесли в Гестапо. Отец и брат были немедленно арестованы и посажены в тюрьму. Маме посоветовали подкупить местных охранников тюрьмы и выволить оттуда папу и брата. Помню полные ужаса и страдания глаза матери, когда она, прихватив с собой все деньги и свои украшения, пошла в тюрьму – я больше не видел ее никогда. Охранники охотно взяли у мамы все, что она принесла, а затем... арестовали ее и посадили в тюрьму. Евреи были вне закона, с ними можно было поступать как кому угодно. Вскоре мои отец, мать и старший брат были расстреляны в Понарах. Я не знаю, сумели ли они увидеться перед смертью, я не знаю, какими были их последние слова... У них нет могил...»

Михаил пишет, что много раз был на грани гибели, пытался бежать из гетто, но безуспешно, потому что никто из местного населения не захотел помочь ему:

«Два раза я пытался уйти из гетто, ночевал в лесу и в заброшенных сараях, но каждый раз вынужден был возвращаться потому что выжить одному без чьей-либо поддержки было невозможно – везде местные поляки и литовцы преследовали и выдавали немцам беглых евреев...»

Михаил чудом дожил до осени 1943 года, когда началась акция по ликвидации гетто. Не могу не привести потрясающий по своему драматизму рассказ о чудесном спасении Михаила во время этой акции.

«В начале сентября 1943 года гетто было блокировано сотнями местных гестаповцев и специально привезенных полицаяв. Через громкоговорители Гестапо объявило о переселении узников гетто в Эстонию, якобы для проведения там строительных фортификационных работ. Все выходы из гетто и контакты с внешним миром были перекрыты. Ужас объял оставшихся в живых евреев. Наученные горьким опытом массового убийства всех депортируемых, люди начали прятаться в потайных местах, кто где мог. Усиленные громкоговорителями грубые выкрики и команды гестаповцев, ужас и страдание на лицах бегущих и прячущихся повсюду людей – все это предстало передо мной страшным призраком скорой смерти в Понарских котлованах, и, казалось, – уже ничто не поможет мне выжить в очередной раз...»

Шквал автоматного огня обрушился на мое убежище, но мне удалось спрятаться под массивной партией, прежде чем нацисты окружили дом. Наступили последние мгновения моей жизни... Я уже хорошо слышал голоса моих убийц, но в этот момент обрушилась крыша дома и парту, под

которой я прятался, завалило обломками. Фашисты бросили в дом несколько гранат, но не стали входить в разрушенное здание, считая, что все в нем уже убиты, – это, вероятно, и спасло меня в очередной раз. Я просидел под обломками до темноты, а затем разгреб завал и, окровавленный, выполз в темноту пустой улицы...

Наступили последние часы Вильнюсского гетто, остатки евреев отправляли в концлагерь в Эстонию или на расстрел в Понары... В ночь ликвидации гетто, буквально за несколько часов до финальной «зачистки», я бежал из гетто через известную мне дыру в заборе и спрятался в одном из моих убежищ на чердаке пустого дома. На третий день голод выгнал меня из убежища, я бродил по улицам Вильно вокруг бывшего гетто под видом нищего, пока случайно не наткнулся на группу беглецов, покинувших гетто через канализационную систему, – это был отряд Аббы Ковнера. Меня приняли в отряд, и мы ушли в чащу Рудникайского леса – так я стал партизаном».

Дальше Михаил подробно описывает свою партизанскую жизнь в лесной глуши Рудникайской пуши. Привожу только те отрывки из его воспоминаний, которые непосредственно относятся к теме этого очерка:

«Наша база была в малодоступной лесной глуши, оттуда мы совершали неожиданные атаки на немецкие конвои, устраивали засады на одиночные грузовики. Потом, когда удалось раздобыть взрывчатку, стали минировать железнодорожное полотно.

Нас окружали враги, и немцы были отнюдь не самыми опасными среди них. Пожалуй, наибольшую опасность для нашего выживания в конце 1943 и в начале 1944 годов представляло польское подполье из Армии Крайовы, руководимое из Лондона. Поляки из подполья жили в деревнях среди своих, они были настроены антисемитски... Поэтому подчас они готовы были сотрудничать с немцами против нас, и любая операция, связанная с пребыванием вблизи польской деревни, была очень опасной. Однажды бойцы Армии Крайовы подстерегли нашу группу и внезапно атаковали нас с ближайшего холма. Нашей группой командовал Эханан Магид, он приказал мне задержать поляков, пока остальные бойцы доберутся до леса. Я установил пулемет у какой-то изгороди и открыл огонь длинными очередями. Поляки остановили продвижение, залегли в кустарнике, а затем ползком начали окружать нашу позицию – их было человек пятьдесят против наших двадцати. К счастью, лес был рядом и нам с Магидом удалось скрыться, однако двое бойцов из нашей группы были схвачены и казнены на хуторе близ польского замка...

Другим нашим врагом было население небольших литовских поселков, которое сотрудничало с фашистами. Литовцы из этих поселков не только сообщали немцам о всех наших передвижениях, но и сами при любой возможности обстреливали наших бойцов. Мы не оставались безответными...

Такова жестокая правда той жестокой войны!»

Летом 1944 года Михаил Окунев в составе знаменитого партизанского отряда Аббы Ковнера участвовал вместе с танкистами Красной Армии в освобождении Вильнюса от нацистов. Казалось, ужасы войны позади..., но вот как Михаил описывает свое состояние и свои чувства после освобождения родного города:

«Я пытался вернуться в свой дом, но вокруг были только руины прежней жизни – мой дом разрушен, моя семья убита... Нет больше евреев в Вильно. Подчас я просыпался ночью от ужаса – мне снились штабеля горящих скелетов, мне слышались голоса немецких и местных палачей, мне мерещился шар адского пламени, падающий на землю... Я был страшно одинок на этой объятой адским пламенем земле... я остался один в этом мире, которым заправляют убийцы. О, Господи, что оставляешь Ты нам в наследство после этой кровавой войны – этот мир убийц? Где в этом мире справедливость? Почему народы-убийцы остаются безнаказанными? Мир впал в кровавое буйное сумасшествие...

Война приближалась к концу, советские войска ушли на Запад, чтобы добить нацистов. Я остался в Вильно, я выжил в том месте на планете, где выжить было невозможно. Мне было почти 22 года, у меня не было ни семьи, ни родственников, ни своего дома – на пепелище родного города мне не суждено было найти для себя ни одного счастливого огонька...

Холод ужаса и печали охватывает меня, когда я вспоминаю об этом исчезнувшем городе – литовском Иерусалиме! Исчезли еврейские институты знания и образования, уничтожены всемирно известные школы мудрецов Торы и Талмуда, расстреляна тысячелетняя культура, прервано существование тысяч и тысяч семей, веками живших здесь, исчезло все... Я вижу тех, кто сделал это – немцев и их местных добровольных помощников в фашистской униформе со свастикой, я слышу выкрики этих убийц, стреляющих в еврейских детей, женщин и стариков на обрыве Понарских котлованов, я никогда не забуду этих жестоких скотов, пьяных от еврейской крови... Из кровавых Понарских котлованов слышится мне мольба невинных жертв юдофобского безумия, охватившего мир, мольба о справедливости, глас вопиющего в пустыне – Где Ты, всемогущий Господь?»

Вот таковы потрясающие воспоминания чудом уцелевшего в огне Холокоста человека. Михаилу Окуневу уже за 90, но он до сих пор работает врачом в Чикаго. У него большая семья – жена, сын, три дочери и несметное число внуков, правнуков и праправнуков, живущих в США и Израиле. Эта замечательная огромная еврейская семья состоялась благодаря тому, что Провидение вырвало из кровавых лап недочеловеков, вызволило из огня Холокоста этого мужественного человека. Вызволило, чтобы, вопреки планам недочеловеков, возродить его уничтоженную семью, восставшую словно сказочная птица Феникс из огня Холокоста.

История польского народа полна трагизма, этот народ неоднократно подвергался ужасным и кровавым преследованиям с попытками его уничтожения. В годы Второй мировой войны поляков убивали и в немецком Гестапо, и в советском НКВД. Это, однако, отнюдь не является основанием для вымарывания из истории преступлений отдельных поляков и групп поляков по отношению к евреям или любым другим народам. Казалось бы, лидеры так много пережившего польского народа должны понимать, что только бескомпромиссное, жесткое, публичное осуждение своих собственных преступников, совершавших злодеяния в отношении другого гонимого народа, с которым поляки жили бок о бок столетия, поднимет на должную высоту истинное достоинство нации. Увы, этого не произошло...

Конечно, польские власти могут издать полные юридической казуистики законы об уголовном наказании за слова о фактах соучастия тех или иных поляков в истреблении евреев немецкими нацистами, но им не удастся замазать правду, ибо есть живые свидетели преследования евреев поляками и есть их письменные свидетельства.

А еще есть всемогущий Господь, к которому обращается с мольбой о справедливости восставший из пепла узник гетто. Он, Господь всемогущий, наверняка отвратит свой лик от ложных христиан, отвергающих покаяние за преступное прошлое, Он непременно, раньше или позже, накажет любителей извращения истории, равно как и тех, кому эти «любители» нравятся.

Февраль, 2018